

18+

Татяна Степа

Траектория успеха

романтики и реалисты

Татьяна Степа

**Траектория успеха.
Романтики и реалисты**

«Издательские решения»

Степа Т.

Траектория успеха. Романтики и реалисты / Т. Степа —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533968-3

Олег — ироничный, эмоциональный, независимый — загадывает желание добиться успеха. Он становится знаменитым, чем очень задевает одноклассницу Настю Ухрину, претендующую на роль «звезды» в школе. Завязывается борьба, цель которой — низвергнуть соперника. Вскоре Олег встречает Марину. Они из разных миров. Ему шестнадцать, а она заканчивает школу. Он из хорошей семьи, она проводит время в компании и чувствует себя заброшенной. Вскоре они ссорятся. С кем же останется Олег?

ISBN 978-5-00-533968-3

© Степа Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Олег	6
1	6
2	13
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Траектория успеха Романтики и реалисты Татьяна Степа

© Татьяна Степа, 2021

ISBN 978-5-0053-3968-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Олег

1

Когда соседи вздыхали, что переезд сродни маленькому пожару, Олег не понимал, о чем они так назойливо твердят. Какой пожар? Что за паника? Соберут вещи и дружно переселятся на окраину города в высотный, новый домище. Вместе же!

Ветхую пятиэтажку, признанную ещё и аварийной, потихоньку расселяли, и разговоры о пожарах и переездах велись уже почти полгода. Олег удивлялся всеобщему недовольству, как будто они должны отправиться в место – хуже не придумаешь.

Но не тут то было! И его поджидал сюрприз – лучший друг Андрей уехал с родителями в другой город. Как Олег ни надеялся, что этого не произойдет и отец Андрея откажется от той «заманчивой работы», но работа оказалась сильнее и выманила всю семью, оторвала от корней, можно сказать.

Пятнадцать лет жили на одной площадке, – одна квартира напротив другой – и всё, вот так, в один миг. Лучший друг – это ведь... почти что брат. Как только он уехал, два клена, что росли во дворе, упали во время грозы. Вместе. Разве такое бывает? Наверное, зацепились друг за друга, и сильный порыв ветра выдернул их из земли. Говорили, потому что сухие. И дом, наверное, стал такой же сухой, – еще одна гроза – и сметет его порывом стихии вместе с теми, кто не успел съехать.

Упавшие деревья долго лежали, пока их не распилили и не вывезли, но на земле остались опилки и не до конца засыпанные ямы. Олег старался обходить это место стороной. Не любил он печальных настроений, обычно предпочитал иронично отшучиваться и даже злился, если не удавалось себя рассмешить. Теперь он – в Москве, Андрей – в Питере. Замечательно! Отец Андрея на прощание сказал, чтобы на Новый год приезжали к ним. Встретить, как всегда. «Как всегда» – это собраться за праздничным столом в семье Олега, затем после ночного салюта переместиться в соседнюю квартиру. Родители засиживались допоздна, пели под гитару, а бабушка Олега укладывала детей спать, пока они были маленькими. Лет в двенадцать они уже сами укладывали ее спать и тихо играли в другой комнате или смотрели телевизор. Теперь «как всегда» не получится. Но они, наверное, все равно поедут.

Олег раскачивался на старых железных качелях, которые со скрипом отзывались на каждое его движение. А почему бы им тоже не переселиться всем домом в Питер? Можно вывесить объявление, чтобы желающие оставили подписи. Ведь собирали подписи по всяким поводам, кто за, кто против. Хорошая идея. Пожалуй, завтра стоит этим заняться, если не пропадет настроение вообще чем-то заниматься. Всё просто рушится и обваливается. Олег опять почувствовал, что начинает злиться, больно прикусил губу и посмотрел на беспробудное небо.

Август выдался холодный и мрачный. С крыш струилась вода, а солнце явно отправилось в отпуск – во всяком случае, уже неделю не видно за серой пеленой ни одного пробивающегося луча; еще и ветер кружил, поднимая уличную пыль и норовя кинуть в лицо. Вот как в таком общем природном настроении можно переезжать?!

– Паршивенько, – выдохнул Олег.

Отец уверял, – все будет хорошо, мама радовалась, – кухня теперь в два раза больше, и только Олег ходил угрюмый по квартире, превратившейся в склад. Они теперь «сидели на вещах». Оказывается, поговорка есть такая, о тех, кто никак не переедет. Еще обои снять и ничего от них, живших здесь так долго, не останется. Никакого напоминания. .

Олег достал ручку и, присев в углу, – как в детстве, когда обводил узоры на стене, – написал: «Здесь жил, учился и мучился Троекуров Олег Семенович». Подумав, он приписал

ниже: «Теперь он будет жить, учиться и мучиться в другом месте». Разглядывая надпись, Олег зачеркнул слово «мучиться», все-таки, хотелось пожелать себе что-нибудь приятное. Тогда... «Жить, учиться и добиваться успеха!» Так-то лучше.

Олег поднялся, потирая колени, и оглядел комнату. Сервант уныло стоял возле стены, пугая своей глубокой пустотой. После того, как сняли единственную стеклянную дверцу, он больше напоминал гроб. Отец хотел выкинуть этот «гроб» на помойку, но мама воспротивилась Старый, местами потрескавшийся сервант из «чистого дерева», она собиралась забрать на новую квартиру. .

Наконец, назначили день переезда, и Олег вздохнул с облегчением, что все это скоро закончится.

Свои вещи Олег укладывал сам. Несколько раз проверил, чтобы ничего не забыть, но, распаковав коробки на новом месте, не досчитался наушников и нескольких дисков с фильмами. Они просто исчезли, невероятным образом, будто испарились по дороге.

За исключением нескольких сумок, разобранных в первый день, никто не торопился возиться с коробками. Так и стояли они – нетронутые, поблескивая скотчем, стянувшим мятые бока, – в прихожей и большой комнате.

Каждый раз, проходя мимо этого нагромождения, мама вздыхала:

– Нет, не сегодня, не могу больше.

На что отец неизменно отзывался:

– Может, выбросим? Все необходимое обычно достают сразу, зачем хлам разводить? Заодно избавимся от лишних вещей.

– Тебе лишь бы выбросить. Я не помню, где что лежит, – озадаченная мама разглядывала коробки, не зная с какой стороны к ним подступиться. – Как можно так складывать?! Половина вещей не подписана.

– Не хочешь выбросить, как хочешь, – отвечал отец, уткнувшись в бумаги, которые все время приносил с работы.

– Лучше бы помог разобрать.

– Э-э, нет. Потом ты скажешь, что я опять все сделал не так. Мы лучше подождем, когда ты освободишься.

– Вот я выпущу номер, будет перерыв, и тогда разберусь, – решительно заявляла мама и на время успокаивалась. – А пока... придется всем подождать, – и она грозно смотрела на Олега.

Он несколько раз пытался проковырять дырку в каждой из коробок, чтобы хоть одним глазком оценить свои шансы на возвращение утерянных вещей.

Мама работала редактором в журнале. Перед выпуском очередного номера она словно выпадала из жизни семьи, примерно на неделю, становилась раздражительной и агрессивной. Сейчас был именно тот случай. Придется ждать.

– Вообще-то, так нечестно, – пробовал возразить Олег. – Это даже притеснение, я бы сказал. Ладно, отец не хочет, – я то хочу! Я готов пару тюков с хламом лично разобрать, дай хоть посмотреть, мое – там или нет.

– Не дам. Разворошишь все, потом две недели убираться. Жди.

– Геноцид какой-то, – Олег знал, что спорить с ней бесполезно. Но попытки к сопротивлению не оставлял. А вдруг дрогнет материнское сердце: «На, дорогой мой мальчик, я нашла твои вещи».

– Да, – вспомнила мама, – я ездила в школу, отвозила документы. Ты идешь в десятый «В», гуманитарный класс.

– Почему гуманитарный? – недовольно спросил отец.

– Потому, что я его записывала. Съездил бы сам и оформил.

– Так говорили же про технический? – возмутился отец.

Олег переводил взгляд с одного родителя на другого. Шла борьба интересов. Каждый тянул в свою сторону В принципе, маму понять можно. Она не хочет, чтобы Олег разъезжал как отец. В детстве это было интересно: поехать летом с научно-исследовательской группой в командировку, хотя и было всего пару раз. А сейчас уже самому не хочется. Видимо, он тоже «оседлый», а не «кочевой».

– Па, ма... Короче, я сам решу – гуманитарный или технический. А то, может, там вообще лажа какая.

– Что значит – лажа? Что за выражения, Олег, – мама задумчиво смотрела на недовольное лицо отца, потом поманила Олега в другую комнату и зашептала, – ты же сам хотел. На журфак собирался. Или нет?

– Да мне без разницы.

– А раз без разницы, вот и попробуешь...

Первого сентября, нагруженный тетрадами и учебниками, словно строительными плитами разного размера, Олег отправился в новую школу.

Его никто не провожал и никто не сопровождал. Родители оказались заняты, сказали, что сам найдет дорогу, не маленький уже, а он и не возражал. Цветов по такому случаю можно было не покупать, – учительницы он не знал, а в школу как на праздник ходил только в первом классе.

Асфальт, недавно укатанный, будто проглаженный утюгом, блестел маленькими лужицами прошедшего ночью дождя. Олег шел при полном параде: черные брюки, голубая рубашка и новые ботинки.

– В первый день придешь как человек, потом одевайся, как хочешь, – сказала мама, вывешивая рубашку на спинку стула. – Да, и пиджак не забудь.

Олег выбежал без пиджака. И так достаточно для первого дня парада. Прохладный ветер слегка трепал отросшие темно-русые волосы. Густая челка прикрывала широкий «отцовский» лоб и серо-синие глаза. За лето Олег еще вытянулся и теперь стал почти одного роста с отцом. Поэтому, чтобы не быть совсем уж похожим на него, Олег решил защитить собственную индивидуальность прической.

Не то, чтобы он что-то имел против отца, просто надоело, когда при встрече его знакомые восклицают: «Это ваш сын? Надо же, как похож!», и смотрят на Олега, словно на изваяние, сравнивая с оригиналом. А похож-то всего телосложением, цветом волос да вот этим вот лбом.

В детстве было наоборот: «Как на маму похож!» – восклицали мамы знакомые с умилением. Всем просто необходимо найти сходство. Игра такая, как пазл собрать. Похож или не похож? Лет до одиннадцати не обращаешь внимания, потом игра затягивается, и ее образце начинает напрягать. Ты же рядом стоишь, а о тебе как о предмете говорят.

Странные бывают взрослые, бестактные, кстати, любимое слово мамы. «Нужно иметь чувство такта. Ты бестактен, Олег». Другим она почему-то замечания не делает. Так, посмотрит, чуть дольше, чем обычно, и промолчит. Из чувства такта, наверное. А Олегу надоело молчать, и он стал делать едкие замечания. Нужно прививать уважение, если люди сами не понижают. Мама ругала его за резкие выпады. Отец только улыбался. И, поди разбери, что он на самом деле думает, никогда ничего не скажет. Они вообще друг друга плохо понимают...

Отец часто пропадал в командировках, и долгое время Олег с мамой оставались одни. «Такая работа», – говорила она. Родители познакомились, когда мама делала свой первый журналистский репортаж о работе папиной группы. Отец на десять лет ее старше, с бородой, но совершенно не выглядит на свой возраст. Хотя ему уже сорок восемь. Мама и сейчас считает, что это она старше его, теоретически, по взглядам на жизнь. Олегу и самому иногда кажется, что папа явно до них не дорос. Он остался где-то там позади, в детстве, когда его все время не было.

Олегу исполнилось пять лет, когда однажды вечером в ванной хлынула вода, и они залили соседей. Здоровенный дядька с огромным пузом, которое просвечивало сквозь туго натянутую серую майку, пришел к ним ругаться. Он размахивал руками с растопыренными пальцами, выпучив красные глаза, и казалось, броситься сейчас на мать. Отца в очередной раз не было дома, а Олег очень испугался. Он стоял за приоткрытой дверью комнаты и не знал, что делать. Тогда он впервые увидел, как мама плачет. Сначала мама тоже отважно кричала и выпроводила соседа. Она умела кричать, и на него иногда покрикивала. А потом Олег увидел, как она села на диван и заплакала.

– Ты чего? – спросила она, увидев Олега в дверях и пытаясь вытереть слезы, – иди к себе. Я посижу немного. Мне надо отдохнуть.

Сосед пришел на следующий день договариваться с мамой уже по-хорошему, недовольный, но без крика. Олег не удержался, подскочил и больно укусил его за руку. Мама сказала, что это нехорошо, а потом, когда они остались одни, долго гладила его по голове, целовала и называла его защитником. После того дня у них сложились свои, доверительные отношения. И Олегу подумалось, что, когда мама ругается – это все же лучше, чем когда она плачет.

Олег свернул за угол последнего дома, за которым потянулся длинный забор какого-то учреждения, и уже виднелась школа. Деревья роняли мелкие капли, если капли успевали собраться в струйки, то безжалостно выстреливали в сонных прохожих. Парочка таких струек попала Олегу за воротник, холодком пробежала по позвоночнику. Олег поежился и сразу же замерз. Мурашки побежали к рукам, и мелкие волоски вздыбились как щетина у дикобраза. . .

Олег остановился, потер спину, потом руки, пытаясь прогнать эту неприятную дрожь. «Все-таки, легко оделся», – думал Олег, поглядывая на серое небо, будто затянутое плотной тканью, – солнце явно не собиралось выезжать ни на колеснице, ни просто так, выкатываться на небосклон, чтобы немного согреть землю. Не повезло с погодой.

Недавно отстроенная школа с квадратным фасадом, широким крыльцом и ровными ступеньками даже в такое пасмурное утро блестела яркими красками. Первый этаж был белый, второй – желтый, а третий – серо-зеленый с белыми загагулинами в виде декоративных арок, или, как их еще называют, ложных. Точно. Олег усмехнулся. Просто шедевр школьного зодчества. Хотя, оригинально. Если так поработали над внешней частью, интересно, как там внутри? Хорошо бы несколько фонтанов и солярий, для разнообразия.

В школе планировали сделать профильные группы, чтобы легче было поступить в институт. Олег пока не понимал, зачем это нужно, и кто туда пойдет. Два раза в неделю, помимо основных занятий? Вряд ли наберется много желающих.

Высокий забор охранял «знания» от проникновения посторонних. Ходили слухи, что учащимся выдадут пропуска. Врут, наверное. Зачем им пропуска? Олег, наконец, дошел до калитки и ступил на территорию, миновав охранника. .

Выстроенные рядами классы собирались для торжественного мероприятия. Площадка перед школой почему-то напомнила ему вокзал с провожающими: цветы, рюкзаки, суета. Олег нашел линейку из учеников, возглавляемую табличкой «10 В» и встал позади. Очередь тянулась почти до бордюра. Что поделаешь, первого сентября все время очереди в школу, – он это запомнил еще тогда, в шесть лет, когда родители решили, что парень вполне уже может сидеть за партой и осваивать науку, а не учить стишки для утренника. .

Впереди Олега стояла высокая девочка, почти с него ростом, и, видимо, тоже новенькая, потому что ни с кем не разговаривала и все время оглядывалась по сторонам. Многие, как Олег, переехали в новостройки. Высокие бело-синие дома с лифтами возвели по всему кварталу. Раньше Олег ходил пешком на четвертый этаж, а теперь катался в лифте на третий. Забавно.

Новые ботинки очень сжимали пальцы, заставляя переминаясь с ноги на ногу. Хотелось скинуть эти кандалы на почти негнушейся подошве. Он вспомнил слова отца:

– Вот и начинается новая жизнь. Новая квартира, новая школа, новые друзья.

«Да-а, – подумал Олег, – и еще новые ботинки, чтобы радости было как можно больше».

От нечего делать он начал рассматривать свою соседку. Короткая стрижка, тонкая шея. Когда она поворачивалась, можно было увидеть длинную прядь волос, спрятанную за ухо.

– Привет, – сказал Олег, улучив один из тех моментов, когда девушка стояла в пол-оборота к нему.

Она удивленно посмотрела, слегка кивнула и сразу же отвернулась.

– Меня Олегом зовут, а тебя?

– Настя, – девушка бросила свое имя куда-то в сторону, не оборачиваясь, а только склонив голову.

– Ты новенькая? – спросил Олег, чтобы как-то продолжить разговор.

Она опять кивнула и стала разглядывать что-то над головами их линейки из учеников.

Олег иронично приподнял брови: «Говорить не хотим... Вот, такие мы, королевны». Он еще раз оглядел «королевну». «Какая-то нелюдимая, – заключил Олег, – никакого уважения, даже интереса не проявляет». Он не любил таких... отрешенных. Они обычно либо выпендривающиеся зазнайки, либо заунывные тихони, – стоят особняком, будто им ни до кого дела нет. И одноклассников воспринимают как муравьев, в куче которых приходится возиться до определенного возраста. Подумаешь, не очень то и надо. Олег переключился на только что подошедших маму с дочкой. Они встали за ним, мама усердно запикивала своему чаду в портфель бумажный сверток, а дите не очень активно отбивалось.

– Съешь на перемене, ты же совсем не позавтракала сегодня, – говорила мама.

Девочка закатывала глаза, шикала на нее, и украдкой поглядывала на Олега, пытаясь быстрее закончить эту возню.

Мама успокоилась, всунув предмет своей заботы дочери, и перенесла свое внимание на Олега.

– Молодой человек! – окликнула она. – Вы здесь кого-то знаете?

– Мама! – дочь возмущенно покраснела.

– Нет, я тоже новенький, – ответил Олег дружелюбно.

– Да... Какая жалость, а то я думала вы введете Дашеньку в коллектив, познакомите со всеми.

– Мама! – Дашенька опять возмущенно покраснела, но Олег только улыбнулся.

– Хорошо, введу и познакомлю. Все равно же всем знакомиться придется, – и он подмигнул Дашеньке.

– Вот и хорошо. Пока у тебя нет здесь подруг, держись этого мальчика. Он мне нравится.

– Мама, – уже как-то обречено вздохнула Дашенька и отвернулась.

Наконец объявили, что можно заходить, двери новой школы гостеприимно распахнулись, и стройные ряды учащихся бодрым шагом двинулись внутрь здания.

Олег шел, не глядя по сторонам, пока их колонна не затормозила на втором этаже перед белой дверью.

Молодая учительница распахнула последнее препятствие, и они вошли в светлый просторный класс.

– Занимайте места, сейчас будем знакомиться.

Народ ринулся разбирать парты на галерке. Парочка с виду очень умных девочек сразу сели в первом ряду. Для зазевавшихся оставались еще места посередине. Решив, что дольше медлить нельзя, Олег ускорил шаг и занял место у окна.

– Можно я с тобой сяду? – Дашенька неуверенно поставила свой портфель на парту.

– Садись, – Олег сначала подумал, что ему все-таки всучила неугомонная мамаша заботу о своем дитяти, но Даша развеяла его досаду.

– Не обращай внимания на мою маму, я просто тоже люблю сидеть у окна, а пока никого не знаешь – все равно с кем сидеть.

– В принципе... да, – согласился он.

Олег слегка расслабился и дальше просто наблюдал, как вставали по списку товарищи-одноклассники, несколько человек были знакомы – их перевели из соседней школы, большинство же оказалось из новостроек.

– Троекуров Олег!

– Я, – Олег встал, и все взоры обратились на него: любопытные, оценивающие и просто равнодушные.

– Со спецкурсом еще не определились? Нам надо знать, сколько человек пойдет на дополнительные занятия, и в какие группы.

– Пока не знаю. Не определился.

– У вас есть месяц, но советую не тянуть, и хотя бы вводные занятия в каждой группе посетить.

Учительница перевела взгляд на список, а Олег с облегчением вздохнул. Хоть здесь ему не будут напоминать про дворянские корни и Пушкинского «Дубровского». С этим помещиком Троекуровым замучили в прошлой школе.

– Туманова Дарья!

– Это я, – Дашенька поднялась, и все принялись разглядывать ее.

Она выглядела как первоклашка в розовой кофточке, с розовой резиночкой, которая стягивала ее светлые, почти белые волосы. И портфель у нее, Олег специально наклонился, чтобы посмотреть, – точно, розово-бордовый. Он невольно отодвинулся на край стула, чтобы никто не подумал, будто они давно знакомы или еще хуже...

– Ухрина Настя!

Из-за парты в центре класса, плавно изгибаясь, выплыла нелюдимая брюнетка, стоявшая перед Олегом на линейке. Ухрина, значит.

– А вы, Настя, почему не записались в спецгруппу? Тоже не определились?

– Нет, вы понимаете, – Ухрина обвела класс победным взглядом и, словно стесняясь, заявила, – понимаете, я – модель и еще хожу в драмкружок, поэтому у меня совсем мало времени. К тому же меня недавно пригласили сниматься в кино. Так что... я не знаю, как получится.

Кто-то даже приподнялся со своего места, чтобы лучше рассмотреть модель Ухрину, которая скоро будет сниматься в кино.

– Настя, эти уроки, конечно дополнительные, но не стоит ими пренебрегать. Сейчас за все курсы люди деньги платят, а у вас возможность получить знания здесь же, в школе и бесплатно. Знания нужны всем, и моделям, и тем более артисткам.

– Хорошо, я подумаю, – протянула Ухрина, смерив учительницу недовольным взглядом.

Олег усмехнулся. На лице «модели» явно читалось, что учительнице ни за что не понять, в каких кругах обитает почти знаменитость, которая совершенно случайно оказалась в этой школе, в этом классе со спец-уклоном и с такой недалекой, безвкусно одетой преподавательницей.

Преподавательницу звали Елизавета Павловна. Она невозмутимо посмотрела на Ухрину и продолжила знакомство с классом. Олег опять усмехнулся. Знай свое место, модная ты наша. Перед учебой все равны.

На перемене девочки обступили Ухрину. И Дашенька пыталась протиснуться поближе. «Скоро отсядет», – с облегчением подумал Олег. С другой стороны, как он успел заметить, с математикой у Даши дела обстояли неплохо.

Олег рассматривал ребят, но знакомиться не торопился. Вскоре к нему подошел рыжеволосый парень, представился Сашкой, и, поглядывая на собрание возле Ухриной, поинтересовался.

– Ты с ней знаком?

- Нет, – Олег равнодушно отвернулся.
- Вы вроде стояли вместе, – не отставал Сашка.
- Постояли, да разошлись, – теперь Олег с интересом разглядывал Сашку, потом улыбнулся. – А ты что, запал на нее?
- Да нет, так просто... интересно.
- Ничего там интересного. Понтов много, а толку мало, – Олег еще раз взглянул на Ухрину. – Точно тебе говорю.
- Тебе она совсем не нравится? – удивился Сашка.
- Не-е, мне такие... нет, короче.
- А кто-нибудь понравился? Ты с кем, кстати, сидишь?
- С Дашей.
- У тебя с ней ро-ман? – многозначительно протянул Сашка, сощурился.
- Ты чего, с дуба рухнул? Мы только что познакомились. – Олег возмущенно взирал на Сашку, не понимая, к чему он клонит.
- Ну, и как она?
- Да чего ты заладил? Откуда я знаю?
- Да ладно, не нервничай, – Сашка достал конфету и бросил себе в рот. – Хочешь? – он протянул вторую Олегу. – Я просто спрашиваю. Думал, ты с ними знаком. Я романтически настроен. Хочу влюбиться, чтобы летать... Правда, не знаю пока, в кого.
- Точно не в эту... модель. Будешь потом не летать, а ползать.
- Да?!... Ты думаешь? Ну, может, ты и прав. А Даша?
- Олег озадаченно посмотрел на Сашку. Далась ему эта Даша. Хотя...
- А вот в нее, в самый раз. Она просто создана для любви и заботы. Если ты романтик – портфели там носить, из школы провожать, – точно – то, что надо. «И Дашина мама будет довольна», – подумал Олег.
- Ты не возражаешь, если на следующем уроке я с ней рядом сяду?
- Да хоть на всех сиди. Пока мы будем болтаться из класса в класс, так и садись. Только на математике у Елизаветы – она пока со мной. Не могу же я ее скинуть. Обидится еще. И потом я не силен в математике, а она вроде соображает.
- Девочки, девочки... Олег посмотрел на стайку, собравшуюся в углу, и пошел узнавать, в какой аудитории следующий урок. Дверь оказалась открытой, он закинул свой рюкзак на дальнюю парту и вышел в коридор для продолжения знакомства с новой школой.
- Теперь соседом Олега оказался Павел. Огромный добряк, который сразу же выудил из пакета два бутерброда и один из них предложил Олегу. Ухрину Павел невзлюбил тоже, – одно это объединило их с Олегом крепко-накрепко. Ничто так не сближает, как общий враг. Весь урок они посмеивались над ее ужимками картинно открыть тетрадь и, поправив прядь волос, взять ручку, высоко поднимая локоть, словно она брала палочки для суши.
- В довершение к образу из школы Ухрину забирала черная «Тойота», возле которой она долго топталась, то открывала дверцу, то закрывала, пока мимо проходил народ. Отъезд Ухриной, как Олег понял, входил в общий сценарий. Водителя никто не разглядел, да особо и не старались.
- Первый день закончился, и Олег с облегчением направился домой. Оказалось, что Павел живет чуть дальше, а Сашка – с Олегом в одном доме, в соседних подъездах. Договорились встретиться во дворе на площадке, которая вскоре стала их постоянным местом сбора.

2

Марина выходила из школы вместе с Ритой. Они вместе перешли в одиннадцатый класс – и скоро свобода и взрослая жизнь.

– Пойдем к Ленке зайдем? – предложила Рита.

Лена училась в колледже, они жили в одном доме и можно сказать дружили или только начинали дружить.

– Что-то не хочется. Давай завтра.

– Ты домой?

– Ага.

Марине хотелось спать. Эти линейки утренние, первые дни – все как-то мало похоже на праздник. Зато прическа у нее что надо – заколками чуть рыжеватые волосы подняты кверху, небрежные пряди по бокам, и очень красивая блузка. Марина вспомнила, что Рита приглашала еще на фитнес за компания. Она летом умудрилась набрать вес и мечтала скорее привести себя в порядок. Марина была не против, все лучше, чем дома сидеть. Надо только денег отложить. И брата еще встретить сегодня. Опять поспать не удастся. Ой, нет. Хотя бы час. Марина с досадой вспомнила, как полночи смотрела сериал и пообещала уложить себя спать в детское время.

Родители обещали приехать через месяц на неделю. А им и строем с бабушкой неплохо.

Марина купила мороженое по пути и направилась к подъезду. Мимо нее пронесся парень из школы. Олег, вроде. Все время улыбается хитро, а так симпатичный. Но, кажется, нахал...

Дни потянулись бесконечной чередой от понедельника до воскресенья. Погода испортилась совсем: небо посерело, холод пробирался даже под куртку, дожди шли не переставая, сваливая опавшие листья, которые не успевали убрать в темные грязные лужи. Осень – она только поначалу красивая, пока еще лето далеко не ушло. А потом осень напоминает темницу, в которую заточила всех до прихода весны.

Вечерние посиделки во дворе стали заканчиваться раньше. Холодный ветер гнал всех по домам получше уставших соседей, требующих успокоиться и не кричать под окнами. Громче всех обычно смеялся Пашка. На него цыкали, и зажимали рот. Никому не хотелось уходить с облюбованного места рядом с детской площадкой, с лавочками, турником и чем-то наподобие шведской стенки, выкрашенной в зелено-красный цвет. Один раз кто-то из жильцов вызвал полицию. «С соседями надо считаться, – сказал квадратный полицейский с дубинкой, выйдя из машины. – Бутылки найдем – заберем в отделение. Так что, товарищи, гуляйте тихо, мирно и никого не беспокойте».

Вечерами Олег общался с Андреем, рассказывал новости из своей «новой жизни», даже выслал несколько фотографий. Андрей смеялся над выпадами Олега против Ухриной и предлагал не обращать на нее внимания. Она что-то шептала окружавшим ее девчонкам, когда он проходил мимо, и приторно улыбалась. Наверное, наплела им, что он к ней клеился на линейке, а она его, прекрасная такая, отшила.

Поразмыслив над этим, Олег решил, что ему все равно, что они там думают, – сильной симпатии он пока ни к кому не испытывал. Лет в двенадцать они с Андреем влюбились в девочку из соседнего подъезда. Целый год за ней ходили, угощали конфетами. Она так и не выбрала никого, что, в общем-то, всех устроило. Потом Олегу нравилась девушка из старшего класса, но он предпочитал наблюдать за ней издалека.

А прошлым летом в лагере у него случился почти что роман. Правда, к концу смены. Он на дискотеке пригласил девочку на медленный танец, а потом они даже целовались тайком. Так до конца смены и целовались каждый вечер. Только почему-то Олег даже не мог вспомнить, как эту девочку зовут.

Здесь же, в этой новой школе, почему-то оказалось больше тех, кто ему не нравился, – компания возле Ухриной выглядела обезличенной толпой и вызывала лишь отвращение.

Дашка была смешная, не противно смешная, а просто забавная. Бывают такие люди. Павел и Сашка – классные ребята. Вот, пожалуй, и все, с кем ему захотелось общаться.

Даша жила в доме напротив и тоже выходила погулять, завидев, что вся троица в сборе. Олег наблюдал, как Сашка начинал виться вокруг нее словно шмель. Голос приглушенный, и жужжит, и жужжит ей что-то на ухо.

Туманова теперь не казалась «розовой Барби», Олег привык к ее присутствию, тихому голосу и дружелюбному настроению. К тому же, она помогала ему на математике и не выпендривалась, как некоторые.

Единственное, что не нравилось Олегу – ее дружба с Ухриной. Точнее, это была даже не дружба, а служба. словно фрейлины, девочки кружились вокруг звездной Ухриной, а та благосклонно принимала дары их почитания, выбирая себе фаворитку. Каждую неделю – новую. Дашкой она просто безжалостно пользовалась, заставляя принести, подать, одолжить что-нибудь, а через день проходила мимо нее, не замечая. Дашка переживала по этому поводу страшно. Олег ругал ее за унижительные отношения, в которые она каждый раз втягивалась, как только Ухрина снова проявляла к ней внимание. Сашка ничего не говорил, будто его это не касалось. Ухрина и с ним вела себя то так, то эдак, но он и не набивался к ней в друзья, в отличие от Даши, которой уж очень хотелось стать подружкой змеевидной Ухриной.

– Сдалась она тебе, – в очередной раз говорил Олег, видя расстроенное лицо Тумановой.

– Ты не понимаешь. Она совсем не такая. Когда мы наедине, она так себя не ведет.

– Еще бы, если зрителей нет. Да она тобой играет, глупышка.

– Ничего не играет, – Даша надувала губы и, насупившись, замолкала.

– Ой, ладно. Потом сама все поймешь.

Однажды, он случайно услышал, как одна из девочек, смеясь, передавала другой, что Настя сказала Даше, будто та похожа на маленькую крыску, которую недавно перебросили к ним через забор какие-то хулиганы. Крыска была дохлая, но ее все равно было жалко, потому что она очень напоминала Туманову.

Олег застал Дашу в слезах.

– Опять Ухрина? – гневно спросил он.

Даша неопределенно качнула головой и отвернулась.

– Ну, стерва, – Олег оставил Дашу у окна, а сам ринулся в класс.

Ухрина сидела за партой и красила губы. Рядом с нею, как всегда, вилась стайка девочек, спрашивая, какой фирмы у нее помада.

– Слушай, ты, – Олег оперся о парту двумя руками. – Еще Дашку обидишь, я тебе башку отверну, поняла?

Ухрина удивленно взглянула на него, девчонки испуганно замолчали. Не теряя спокойствия, она захлопнула пудреницу и встала из-за парты.

– Девочки, где Даша?

– В коридоре, – неуверенно ответила одна.

Ухрина вышла из класса. Олег встал в дверях и наблюдал, как та покровительственно обняла Дашу за плечи и начала ей что-то шептать. А Даша неуверенно улыбалась и кивала.

Олег покачал головой, покрутил у виска, демонстрируя Даше все, что он думает по этому поводу, и сбежал вниз по лестнице. Пусть делает сама, как знает. Только теперь пусть не жалуется.

В середине октября выпал первый снег. Большие хлопья летали над городом и только оставляли мокрые следы на асфальте. Снег сменил дождь и превратил все опять в противное месиво. Приближалась зима, ветер дул резче и порывистей, чем обычно, словно специально

наполняя город стужей. Город холодел и покрывался инеем, а потом его накрыл уже настоящий вихрь снега, который не растаял, а примерз к лужам и остался лежать на дорогах.

В конце ноября гуманитарный класс начал работать в полную силу: дали задание сделать постановку по любому произведению из школьной программы.

На общем собрании решили ставить пьесу Грибоедова в сокращенном варианте. Ответственным за постановку выбрали Олега. Понятное дело – раз предложил – сам и отдувайся. Он был и режиссером, и декоратором, и роль Чацкого тоже досталась ему. Ребята посчитали, что Олег ближе к образу, чем кто-либо другой из претендентов.

После уроков собрались в актовом зале.

– Кто будет Софьей? – спросил Олег заметно пордевший класс. Кто-то успел уже смотаться.

– Я могу, – нерешительно подняла руку Даша.

– Хорошо. Фамусова? Есть желающие?

– А ты назначай, так быстрее будет, – подал идею Сашка. – Нам все равно, мы тебе и княгиню сыграем и служанку, если скажешь. Я могу быть Лизанькой.

По рядам прокатились редкие смешки.

– Кто хочет быть Фамусовым?

В этот момент дверь открылась, и вошел запоздавший Паша. Его вызывала классная прорабатывать за неуспеваемость.

– Я буду папашкой. А кто дочка?

Даша подняла руку.

– Согласен на такую дочку. А кто гад Молчалин?

– Ну если уговорите, то я буду, – отозвался Сашка с последнего ряда.

Накануне он поссорился с Дашей, а поскольку дополнительные нагрузки в виде спектакля его не интересовали, то присутствовал на собрании из «глупого чувства солидарности», как он сказал Олегу.

– Кто тебя должен уговаривать? – не понял Паша.

– Наверное, я, – Даша хмыкнула и отвернулась.

– Так я не понял? – нахмурился Олег. – Ты будешь или нет?

– Да буду, буду. Я забыл, а кто Лизанька, к кому я должен приставать?

– Подруга Даши, Женя Кудрявцева.

– Сойдет.

– Я тебе дам сейчас, сойдет, – возмутилась Кудрявцева, – совсем обнаглел уже.

Пока все не поругались, быстренько разошлись по домам.

Ухрина, как ни странно, от участия в пьесе отказалась. Видимо, не нашла себе подходящей роли. Олег предложил ей княгиню, никак не меньше, та только скривила губы и ушла. «Фрейлины» тоже не выразила желания даже чем-то помочь, чем разозлили Олега не на шутку. Пришлось все делать самим. Распечатали слова, украсили сцену. Даша хорошо рисовала, и на склеенном ватмане в полный рост изобразила двух дам будто шепчущихся.

Репетировали после уроков каждый день. Саша путался в словах. Тогда придумали ему папку, чтобы он с ней все время ходил, и доставал оттуда листки.

Пьесу приурочили ко дню рождения Грибоедова в январе. Но показать ее решили дважды: перед Новым годом для старшеклассников, а в январе для всех желающих.

За время подготовки к спектаклю Олег особенно сблизился и с Сашкой, и с Дашей, не говоря уже о Паше. На премьере чуть не лопнули от смеха. Очень забавно было смотреть на троечника Пашку, когда он с жаром читал, обращаясь в угол, где собрались учителя:

Ученье – вот чума, ученость – вот причина,

Что нынче пуще, чем когда

Безумных развелось людей, и лиц, и мнений!

Учителя понимающе улыбались, и кто-то даже грозил ему пальцем.

Пьеса прошла с успехом. Всех хвалили и Олега особенно – за то, как он выразительно читал. Роль Чацкого Олегу удалась, он и сам это знал. Было приятно.

Только Ухрина сидела с недовольным выражением лица. Проходя мимо Олег услышал довольно громкое: «Клоун». Он слегка притормозил, склонил голову и с деланной улыбкой обернулся к ее компании.

– Заметь, хороший клоун, – Олег подмигнул Ухриной и направился к родителям, которые довольные стояли в проходе.

Дальше по программе намечался предновогодний вечер с танцами. Танцы Олега не волновали, у них с Пашей было запланировано свое веселье, – хотелось взять побольше призов на розыгрышах. И еще хотелось подшутить над фрейлинами с королевой.

Только они еще не придумали как. Олег приглашал девочек из свиты Ухриной на медленный танец. Фрейлины смущались и робко поглядывали на королеву. Пока они думали, он приглашал следующую, и следующую. А Паша шел по очереди с другой стороны. Потом они одновременно подошли к Ухриной, переглянулись, покачали головой и отошли.

Никто так ничего и не понял. Ухрина только фыркнула, а они вдвоем заливались хохотом в коридоре. А потом... потом случилось неожиданное. Как только они вернулись в зал, объявили белый танец, и Ухрина пригласила Пашу. Тот настолько растерялся, что как теленок потопал за ней и пока Олег ухмылялся в углу, Павел, осторожно переступая, как положено в «медляке», старался не наступить ей на ногу.

К Олегу подошла какая-то девочка из старших классов. В темноте он не разобрал ее лица, да и не до того было, – не хотелось упускать из виду змеевидную Ухрину, опутавшую друга. Девочка что-то говорила, от нее приятно пахло духами, еле заметно, что создавало ореол романтичности. Но все уплывало, как только на глаза попадалась Ухрина с Пашей.

Когда – наконец-то! – танец закончился, Олег дернул Павла на выход.

– Ты чего поперся? – недовольно спросил он друга.

– Да как-то неудобно было, все смотрят... Да забей, я же так.

Забей, так забей. Больше эту тему не поднимали, тем более в новогоднюю ночь договорились с ребятами на площадке запускать салют. А после Нового года – на три дня в Питер. Здорово! Олег уже был в предвкушении этой поездки и встречи с Андреем. Праздничное настроение создавала на кухне бабушка, – она готовила на праздник свои любимые блюда – кулебяку и пирог со смородиной. С началом холодов отец привез ее из деревни. Она всегда жила с ними до весны. Говорила, трудно там одной, да и страшновато – никого в округе нет, только три дома светятся в темноте.

«Дед Мороз» не обманул. Квадратный новенький «MP-3» плеер с большой памятью для записи мелодий, взамен поломанного, приятно лег в ладонь. В старом уже несколько месяцев работало только радио. Наконец-то, музыка и нормальные «уши».

– Наушники нравятся?

– То, что надо. Спасибо, пап.

Олег отправился в комнату, вытащил из ящика рамку для фото – родителям и набор из полотенца с прихватками – бабушке. Пускай тоже радуются. «Все, что скопил, отказывая себе в маленьких удовольствиях», – смеялся он, пока они с Пашей ходили по магазину, выбирая подарки.

В новогоднюю ночь поднялась метель, но это не мешало ракетницам с писклявым шумом взлетать, рассыпаться в огни и кружиться со снежным вихрем. Фейерверк получился красочным и громким.

Вышли девочки из соседнего дома. Он их видел иногда, они на класс или два старше. С одной он как раз танцевал. Да, с той, что поменьше ростом. Она сегодня была в черной

объемной шапке и лыжном костюме. Очень увлеченно рассказывала той, что повыше, какую-то смешную историю – и так красиво смеялась. Олег невольно заслушался.

Как только на горизонте появилась Ухрина со своими фрейлинами, он предпочел отойти подальше.

Наушники пришлось очень кстати, и после нескольких канонад Олег ходил уже с новым плеером. Правда, пока опять пришлось слушать радио, – свои записи он сделает позже.

За время, проведенное вынужденным радиослушателем, он нашел волну, которая нравилась ему больше всех. «Там мелодии без слов, – говорил он друзьям. – Песня – это песня, она для другого состояния – веселья, грусти». Он даже не мог, как следует объяснить, для чего песня. Пашка посмеивался, что мелодия без слов – просто музыка. Олег хмурился, недовольно отмахивался, мол, думайте что хотите, потом улыбался, найдя волну, поднимал палец вверх и отдавал один наушник. Слушайте. Только мелодия, без слов. Сейчас Олег наслаждался в одиночку.

3

Идея написать в районную газету возникла случайно. Из почтового ящика достали все рекламные издания и пока рассматривали, Олег обратил внимание на заметку о спортивном соревновании в соседней школе. Мама предложила написать ему об их спектакле, так сказать, для пробы пера будущего журналиста.

– С чего начать? – Олег с сомнением пытался представить свой очерк на месте квадратика о спортивном соревновании.

– Возьми газету, посмотри, как заметки пишут, какого размера, как строятся предложения, какая форма подачи информации. И пробуй.

Он так и сделал. Прочитал газету с первой полосы до последней, и мелкий шрифт с информацией, где издается, в скольких экземплярах, телефон и адрес. То есть, можно и позвонить.

Убедившись, что району интересны события в новой специализированной школе, Олег принялся сочинять статью. Но она получалась очень большой. Вечером он отправился за помощью.

– Поможешь? – обратился Олег к матери, устроившейся в мягком кресле.

– Чем, коллега? – спросила она, оторвавшись от книги и поправляя очки.

– У меня не получается. Пойди, посмотри, – Олег умоляюще вытянул губы и округлил глаза.

– Ты лучше распечатай и принеси мне сюда. А то я не люблю с экрана читать – глаза болят.

Олег вернулся с распечаткой и стоял рядом, дожидаясь, когда закончится его вторая страница, которая теперь и самому казалась лишней. Мама сняла очки и отдала ему многогрядальный труд.

– Это же не сочинение. Строго по существу и хватит.

Олег молча развернулся и исчез из ее «островка отдыха» под торшером с книгой. Строго по существу – это, значит, если он правильно понял, все беспощадно сокращать. Где-то, через полчаса, когда от двух страниц осталось только одна, мама сама зашла к нему.

– Как дела?

– Пока вот так. Многовато?

– Многословно, я бы сказала. Небольшие статьи могут напечатать. И тебе хорошо бы набрать несколько публикаций, если ты всерьез решишь заняться журналистикой. Вот здесь сократи, и концовку почетче. Пробуй, сын, – был ее вердикт.

Появившемуся у двери отцу она почему-то показала язык и с триумфом удалилась. Отец подошел к Олегу, поправил книжки и брошюры, в беспорядке разбросанные по столу, и строго осведомился:

– Все-таки уже решил? А как же дело программиста, которое мастера боится?

– Не знаю. Я пока хочу здесь попробовать. Сейчас все с компами возятся.

– Возиться – возятся, а толку... Ладно, раз еще не решил, оглядись, подумай.

– Я пользователь, продвинутый. А программистом быть не хочу.

– Продвинутый. А ты, кроме программистов знаешь кого-нибудь, пользователь?

И он, насвистывая, вышел из комнаты, сунув руки в карманы. Олег усмехнулся. Между матерью и отцом шла борьба за его будущее. Каждый считал, что его специальность больше всего подходит их отпрыску, и всячески демонстрировал это другому. «Как дети малые», – вздохнул Олег.

Заметку о спектакле напечатали как раз по окончании праздников и каникул. Олег даже получил немного денег за свой труд. Мать гордилась, отец посматривал из-под нахмуренных бровей, но, вроде, тоже был доволен.

Вскоре Олега пригласили на программу «Мнение», которая снималась на местном телевидении. С этой программы и начался непростой период в его жизни. Ох, до чего непростой. Если бы он знал...

Олег собирался неохотно. Мама убеждала, что обязательно нужно пойти, не каждый день приглашают. А ему было неуютно, – нужно что-то говорить, отвечать на вопросы, и еще непонятно какие. Запросто могут посадить в лужу и опозорить на весь район. Олег нервничал. Тему заявили, как современные взгляды молодежи на успех. Что это такое? Из чего он складывается, этот пресловутый успех? Какими чертами должен обладать человек, чтобы добиться успеха... и так далее на целый лист, где неоднократно звучало всего одно слово – успех, успех, успех.

Надо как-то подготовиться. К тому же сказали, что могут спросить, какие книжки читаете и можете привести примеры из жизни или прочитанного.

Олег не очень-то доверял ведущим этих ток-шоу. Показуха все. К тому же опять пришлось одеться как на парад.

Его встретила женщина средних лет в клетчатой рубашке. Она все время улыбалась, показывала ему студию, предложила попить чайку в фойе, где на столе были расставлены угощения в виде печенья и конфет. Здесь же возвышалась башня из пластиковых стаканчиков. Женщина подвела его к столу и занялась очередными гостями. Олег неуверенно потянулся за стаканчиком, потом передумал и остался стоять, разглядывая входящих. Когда мимо проходил ведущий, женщина отвлеклась от гостей, и представила ему Олега, что это тот самый мальчик и добавила что-то про спектакль. Ведущий смерил его оценивающим взглядом, приподнял брови, демонстрируя удивление, сдобренное то ли иронией, то ли возмущением. Олег так и не понял, что означало такое выражение лица. Ведущий ничего не сказал, а просто удалился в комнатку напротив пить кофе.

Олег ходил по залу, наблюдая за приготовлениями. Несколько человек устанавливали камеры, сплошные провода тянулись по полу, выключенные до поры до времени софиты торчали, словно фонарные столбы с квадратными глазами. Синие портьеры отделяли студию от проникновения лишнего света из коридоров. Здесь царило свое солнце, включаемое по команде режиссера.

Женщина в клетчатом усадила всех гостей на зеленый диван. Их было немного, человек двенадцать. Олег сел с краю во втором ряду. Вскоре появился ведущий программы в сопровождении двух экспертов. Они расположились напротив зеленого дивана в удобных креслах. Клетчатая показала на Олега, и что-то зашептала ведущему. Тот опять посмотрел на Олега непонятым взглядом – то ли удивленным, то ли возмущенным. Интересно, что его могло так возмутить?

Студия осветилась, и пошли последние приготовления к действию. Режиссер программы предупредила, что кассеты хватит ровно на час, поэтому за последние двадцать минут они будут периодически показывать время. Олег вздохнул с облегчением, что сидеть здесь недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.